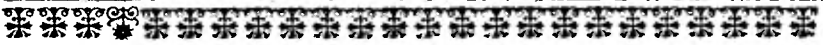

Глаголев С. С. Борьба за святое: [Вступительная лекция по основному богословию, прочитанная в Московской Духовной Академии 9 сентября 1914 г.] // Богословский вестник 1914. Т. 3. № 9. С. 1–27 (1-я пагин.).

БОРЬБА ЗА СВЯТОЕ *).

Въ важный историческій моментъ возникла наша академія и въ важный историческій моментъ, сто лѣтъ спустя, вы вступаете въ ея аудиторіи. Академія открылась 1-го октября 1814 г. Тогда только что окончилась война, которая велась на протяженіи отъ Москвы до Парижа. Политическая карта Европы приняла новыи видъ сравнительно съ тѣмъ, который она имѣла въ концѣ XVIII столѣтія. Россія присоединила къ себѣ Финляндію, Бессарабію, герцогство Варшавское подъ именемъ царства польскаго. Доминирующій голосъ въ политическихъ дѣлахъ пріобрѣла въ Европѣ Австрія. Одни государства были раздѣлены (Норвегія отдѣлена была отъ Даніи), другія соединены (три съ половиною сотенъ германскихъ княжествъ и республикъ были превращены въ 38 государствъ). Тогда этому политическому переустройству предшествовала общеевропейская война; теперь началась война міровая. Если тогда измѣнилась политическая карта Европы, то теперь послѣ міровой войны, повиднмому, должна измѣниться политическая карта міра. Но аудиторіи нашей академіи устроены не для того, чтобы судить и гадать о грядущихъ политическихъ перемѣнахъ. Для насъ не важна политическая судьба народовъ, для насъ важна ихъ религіозная судьба. На стягѣ нашей школы написано „во имя православія“. Православіе мы хотимъ насаждать и утверждать.

Такъ! Но отъ религіи нельзя ничего отдѣлять и нельзя ничего изъять изъ сферы религіозныхъ одобреній и осу-

*1) Вступительная лекція по Основному Богословию, прочитанная въ Московской духовной академіи 9 сентября 1914 года.

жденій. Тѣмъ менѣе, изъ сферы религіозныхъ обсужденій можно выдѣлить войну. Моральное или антиморальное явленіе есть война, война во всякомъ случаѣ есть явленіе, которое должно обсуждаться моралью. А мораль гѣснѣйшимъ образомъ связана съ религіею. Но даже не черезъ мораль, а непосредственно война всегда оказывалась и оказывается связанною съ религіею.

Разгромъ народовъ всегда бываетъ и разгромомъ міросозерцаній. Гибель Рима была гибелью язычества. Но Римъ палъ давно. Обращаясь къ моменту возникновенія нашей школы совпавшему съ политическимъ видоизмѣненіемъ Европы, мы видимъ, что тогда происходило не только крушеніе и возникновеніе государствъ, но совершалась и смѣна міровоззрѣній.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія руководящія сферы Европейскихъ государствъ усвоили себѣ матеріалистическое міросозерцаніе. Въ дѣлѣ религіознаго отрицанія Фридрихъ прусскій шелъ дальше Вольтера. Вольтеръ признавалъ свободу воли и Провидѣніе, Фридрихъ ихъ отрицалъ. Очень можетъ быть, что совѣсть этихъ обоихъ людей была одинакова эластична, но какъ хотите, мнѣ все-таки Вольтеръ представляется болѣе благочестивымъ, хотя можетъ быть выраженіе „благочестіе Вольтера“ и покажется многимъ содержащимъ внутреннее противорѣчіе. Екатерина II, которую Вольтеръ прославлялъ съ большою пользою для себя (*Te, Catharinam, laudamus, te, Dominam, confitemur*) тоже, кажется, была менѣе тверда въ вѣрѣ, чѣмъ фернейскій вольнодумецъ. Екатерина, вѣдь, хотѣла даже издавать французскую энциклопедію въ Россіи, а отъ антирелигіознаго духа этой энциклопедіи отрещивались такіе свободомыслящіе люди, какъ Руссо. Врагъ положительныхъ религій Бернадень-де-Сентъ-Пьеръ, атеистъ Дидро и подобные имъ находили благосклонный пріемъ у Екатерины. Основной тезисъ философіи Гольбаха, согласно которому религія есть препятствіе для устроенія человѣческаго счастья, представлялся вообще правдоподобнымъ въ Европѣ.

Руководящія сферы, будучи немного атеистическими, однако хранили свой атеизмъ про себя и для себя, какъ нѣкую *disciplinam arcanam*. Официально отъ всѣхъ требовалось исповѣданіе религіи, но это исповѣданіе, все равно какъ при-

сяга послѣднимъ мерovingамъ, цѣнилось лишь постольку, поскольку оно было выгодно для мажордомовъ. Почитаніе Бога вмѣнялось въ заслугу лишь какъ обязательство почитать и бояться придержащихъ властей.

Атеизмъ гордо поднималъ голову. Его вліяніе сказывалось даже тамъ, гдѣ повидимому для этого вліянія не было мѣста. Кантъ не былъ атеистомъ, но въ своихъ опытахъ религіозной философіи онъ явно дѣлаетъ попытку эмансипировать человѣка отъ Бога, уничтожить религію, какъ связь человѣка съ Богомъ.

Такъ обстояло дѣло къ началу XIX столѣтія. Но уже въ концѣ XVIII гроза, разразившаяся во Франціи, многихъ заставила задуматься. Екатерина поставила вопросъ: не отодвинуть ли въ сторону высокоученныя книги и не приняться ли снова за букварь? Прусскій король рѣшилъ сократить религіозный либерализмъ кенигсбергскаго мыслителя. Даже въ самой Франціи, гдѣ культивировалось матеріалистическое міровоззрѣніе, на атеизмъ было предпринято нѣчто въ родѣ легкаго гоненія. Атеизмъ нашель себѣ тогда довольно энергичную опору въ академикѣ Лаландѣ. Ему приписываются слова: „я осмотрѣлъ въ телескопъ все небо и нигдѣ не видалъ Бога“. Лаландъ былъ страшно безобразенъ—а каково быть безобразнымъ, особенно во Франціи!—О бѣднягѣ говорили, что онъ своимъ атеизмомъ мститъ Господу Богу за свое безобразіе. Наполеонъ однако не принялъ во вниманіе этой уважительной причины и приказалъ Лаланду представить исповѣданіе вѣры. И Лаландъ далъ исповѣданіе, подъ которымъ подписался бы всякій добрый католикъ.

Но полное крушеніе матеріалистическаго міросозерцанія произошло лишь тогда, когда центръ политическаго вліянія перемѣстился изъ свободомыслящаго Парижа въ католическую Вѣну. Европейская война окончилась. Европейская политика оказалась въ новыхъ рукахъ, и на мѣсто французской энциклопедіи и религін разума стало исповѣданіе священнаго союза. Монархи подписали декларацію, которая по своему содержанію является утвержденіемъ христіанской теократіи. Декларація гласила. „Во имя Пресвятой и Нераздѣльной Троицы, Ихъ Величества, восчувствовавъ внутреннее убѣжденіе въ томъ, сколь необходимо подлежащій державамъ образъ взаимныхъ отношеній подчинить высокимъ ис-

тинамъ, внушаемымъ закономъ Бога Спасителя, объявляютъ торжественно, что предметъ настоящаго акта есть открыть предъ лицомъ вселенныя ихъ непоколебимую рѣшимость... руководствоваться... заповѣдями сея святыхъ вѣры, заповѣдями любви, правды и мира... На семь основаніи... I. Соотвѣтственно словамъ священныхъ писаній, повелѣвающихъ всѣмъ людямъ быть братьями, договаривающіеся монархи пребудутъ соединены узами дѣйствительнаго и неразрывнаго братства и, почитая себя какъ бы единосемцами, они во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ станутъ подавать другъ другу пособіе, подкрѣпленіе и помощь; въ отношеніи же къ подданнымъ и войскамъ своимъ они, какъ отцы семействъ, будутъ управлять ими въ томъ же духѣ братства. II. Единое преобладающее правило да будетъ... приносить другъ другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всѣмъ себя какъ бы членами единаго народа христіанскаго, поелику союзные государи почитаютъ себя аки поставленными отъ Провидѣнія для управленія единаго семейства отраслями... исповѣдуя такимъ образомъ, что Самодержецъ народа христіанскаго... не иной подлинно есть, какъ Тотъ, Кому собственно принадлежитъ держава, поелику въ Немъ единомъ обрѣтаются сокровища любви, вѣдѣнія и премудрости безконечныя“...

Судя по этой деклараціи, европейскіе монархи должны были дѣйствительно стать тѣмъ, чѣмъ именовались древніе вавилонскіе цари, они носили титулъ „патези“—намѣстникъ, т.е. намѣстникъ того или другого бога. Но дѣло, разумѣется было наоборотъ. Для древнихъ царей теократія была фактомъ, для новыхъ государей она была красивой и рассчитанной на моментъ позой.

Но моментъ рассчитанъ былъ хорошо. Декларація явилась годомъ позже, чѣмъ возникла наша академія, но духъ деклараціи, обуславливающее ее настроеніе явились раньше академіи и въ академіи должно видѣть учрежденіе, которое должно было служить выраженіемъ этого настроенія и содѣйствовать цѣлямъ этой деклараціи. Академическіе новобранцы, вступившіе 1-го октября 1814 г. послѣ молебна въ Троицкомъ соборѣ въ царскіе чертоги, чтобы здѣсь принять имя студентовъ академіи, эти новобранцы по мысли правительства должны были положить начало

арміи новаго типа предназначае­мой для завоеваній новаго характера.

Между этимъ моментомъ и настоящимъ лежитъ столѣтіе. Священный союзъ исчезъ. Многое измѣнилось. Претензіи на мировое господство перешли къ Берлину. Намъ нѣтъ нужды обсуждать вопросъ, насколько гарантированы эти претензіи имѣющей­ся у Берлина силой, но такъ какъ силы оказываются въ исторіи всегда связанными съ идеями, то для насъ поучительно разсмотрѣть, какіе руководящіе принципы даются міру отсюда, гдѣ сосредоточена мировая политика.

Атеизма въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ XVIII в., теперь не существуетъ. Тогда атеисты считали нужнымъ бороться съ вѣрованіями и суевѣріями, раздѣляющими людей и дѣлающими ихъ несчастными. Теперь съ вѣрованіями и суевѣріями бороться нечего все равно, какъ нечего бороться съ тѣнями. Незамѣтно вреднаго вліянія вѣрованій и незамѣтно вѣрованій. Благочестивый человѣкъ XX вѣка можетъ такъ обработать нечестиваго ближняго, что у того естественно можетъ возникнуть вопросъ—не есть ли и атеизмъ—вредное суевѣріе и не лучше ли для собственнаго благополучія стать подъ знамя какой-либо религіозной вѣры. Назадъ тому пять лѣтъ лидеръ одной свободомыслящей партіи въ нашей думѣ сталъ говорить о необходимости каждому исповѣдывать какую-нибудь религію. Ему свистѣли и справа и слѣва. Видите-ли, очевидно, онъ понялъ, что иногда полезно прикинуться благочестивымъ, но только бѣдняга выбралъ неудачный моментъ. Теперь вѣрующіе спекулируютъ и на благочестіи и атеисты—на обличеніи ханжества. Атеисты теперь кричатъ, что Богъ нуженъ богатымъ для того, чтобы пугать Имъ бѣдняковъ, а вѣрующіе говорятъ, что атеисты борются противъ вѣры въ Бога, потому что эта вѣра мѣшаетъ имъ ограбить богатыхъ. Но разумѣется, есть и богатые атеисты и вѣрующіе нищіе. Только во всякомъ случаѣ въ обиходѣ современныхъ вѣрованій человѣчества трудно указать такія, которыя на практикѣ мѣшали бы благополучію лица ихъ держащагося. Отсюда и атеизмъ сильный лишь какъ оппозиція вреднымъ суевѣріямъ теряетъ свой *raison d'être*.

Затѣмъ, если въ нашъ вѣкъ вообще нѣтъ крѣпкой вѣры, то поэтому самому у насъ нѣтъ и могучаго невѣрія. Круп-

ныя отрицательныя величины могутъ существовать лишь при наличности крупныхъ величинъ положительныхъ. У насъ царствуетъ неувѣренность, а не вѣра и не невѣріе. Мы всё теперь немножко вольтеріянцы: и смѣемся надъ адомъ и боимся въ него попасть. О Вольтерѣ всю жизнь громившемъ суевѣрія рассказываютъ, что онъ передъ смертію дозволилъ своимъ католическимъ друзьямъ совершить надъ нимъ елеосвященіе—помазаніе масломъ. Его свободомыслящіе друзья, узнавъ объ этомъ, упрекали его, говоря что онъ своимъ примѣромъ санкціонируетъ суевѣрія. „Видите ли, сказалъ Вольтеръ, когда карета отправляется въ далекое путешествіе, колеса ея всегда смазываютъ масломъ“. Вольтеръ очевидно думалъ, что масло, которымъ помазали его при соборованіи, повредить ему не можетъ.

Такъ и теперь. Руководящая насъ нѣмецкая наука, опредѣляющая политику или опредѣляемая ею, не пускаетъ религію въ жизнь, не даетъ ей практическаго значенія, но она сохраняетъ религію, какъ резервъ, который можетъ оказаться полезнымъ въ загробномъ мірѣ, если только такой міръ существуетъ. Нѣмецкая богословская наука и именно протестантская наука создала теорію божественнаго невмѣпательства. Весь религіозно-историческій процессъ эта наука истолковываетъ изъ естественныхъ факторовъ и тѣмъ устраняетъ Провидѣніе изъ міровой исторіи, но у этой науки въ лицѣ ея официальныхъ представителей не хватаетъ рѣшимости сказать, что изъ ея принциповъ слѣдуетъ отрицаніе всякаго культа, отрицаніе храмовъ, молитвы. Религія продолжаетъ играть какую то двухсмысленную, то ли декоративную, то ли существенно нужную роль въ жизни протестантовъ. Они празднуютъ Воскресеніе Христово, т. е. пасху, не вѣря въ это воскресеніе. Ихъ религіозный ритуаль утверждается на вѣрѣ въ Библию, ихъ богословская наука — на отрицаніи Библии. Какъ бы ни восхваляли эту науку, я рѣшительно называю ее наукою для бездарностей. Ея принципы игнорируютъ сложность и многообразность бытія, и каждый не рожденный идиотомъ, думается, можетъ двигать ее впередъ. На очереди дня имѣются нѣкоторые философскіе принципы: чудесъ нѣтъ, все можетъ быть истолковано изъ извѣстныхъ намъ законовъ необходимости. Никакого откровенія никогда не было, и Деличъ сказалъ, что мы и не заслужа-

ваемъ никакого откровенія. Относительно послѣдняго положенія однако нужно замѣтить, что изъ того, что я не заслуживаю никакой милости, не слѣдуетъ, что милость не будетъ мнѣ оказана. Естественные законы извѣстны очень плохо. Мы читаемъ въ Библии, что во дни Езекии однажды случилось, что тѣнь укоротилась послѣ полудня (4 Царств. XX, 9—11). Можетъ ли быть такое явленіе? Я долго не могъ дать отвѣта на этотъ вопросъ, но 4 апрѣля 1912 года я въ первый разъ наблюдалъ его во время кольцеобразнаго солнечнаго затмѣнія: тѣни отъ предметовъ укоротились. Нѣмецкая богословская наука по отношенію къ подобнымъ фактамъ обыкновенно выдвигаетъ тезисъ: фактъ невозможенъ. Когда возможность факта устанавливается съ несомнѣнностью, наука говоритъ: онъ естествененъ. Чудо всегда остается за бортомъ. Понятіе „возможнаго“ эластично, но протестантскіе ученые понимаютъ его обыкновенно такъ, какъ оно понимается образованнымъ обществомъ въ данный моментъ, и съ точки зрѣнія этого пониманія легко и смѣло истолковываютъ и оцѣниваютъ религіозные принципы и данныя религіозной исторіи. Способъ истолкованія Библии, созданный этой наукой, удобно иллюстрировать коротенькимъ стихотвореніемъ Гейне.

Не враны цитали Илью,
 Воронами самъ онъ питался.
 Такъ истинный свѣтъ я пролью
 На фактъ, что намъ чуднымъ казался.
 Взамѣнь голубей молодыхъ
 Воронъ кушалъ старецъ въ пустынь,
 Какъ съ вѣрой вкушали мы ихъ
 И сами въ родимомъ Берлинѣ.

Что теперь, какъ и во дни Гейне, берлинцы вкушаютъ воронъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Вкушаютъ ли они ихъ съ вѣрою и притомъ съ какой? этого я не знаю. Но объясненіе относительно Иліи представляется имѣющимъ такую же вѣроятность, какъ и безконечное количество иныхъ объясненій, т. е. никакой вѣроятности. Прежде всего, вѣдь, можно предположить, что никакого Иліи не было, что Илія есть мнѣя. Затѣмъ, можно принять, что если и былъ какой-то Илія, имѣвшій счеты съ Ахавомъ, никогда онъ въ пустынь не жилъ и многое и многое можно предполагать. Разъ мы заподозримъ Библию, какъ историческій источникъ, мы можемъ

все отвергать, но у насъ нѣтъ данныхъ для новыхъ построений. Нѣмецкая наука, отвергнувъ вмѣшательство Провидѣнія въ міровую исторію, поставила задачею дѣлать историческія построенія изъ недостаточныхъ данныхъ. Создалась какая-то умозрительная исторія. Искренно желалъ бы, чтобы эта наука прекратила свое существованіе вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ прекратится существованіе нѣмецкой гегемоніи.

Но это—область теоріи. Я долженъ сказать теперь, что религіозная теорія у нѣмцевъ оказывается тѣсно связанною съ религіозной практикой. Основное положеніе, раскрываемое всѣмъ благовѣстіемъ Христовымъ, говорить: „Царствіе Божіе **внѣ** васъ есть“ (Лк. XVII, 21). Нѣмецкая практика учитъ иное, она утверждаетъ: царствіе Божіе **внѣ** васъ есть. Царствіе Божіе, конечно есть счастье, благополучіе. Нѣмецкая философія и раскрываетъ намъ, что наше благополучіе обусловливается не тѣмъ, что есть внутри насъ, а тѣмъ, что имѣется внѣ. Имѣется хорошая и сильная армія, вотъ—благополучіе намъ съ вами уже въ значительной мѣрѣ обезпечено. Мы знаемъ, что къ намъ за нашимъ добромъ другіе не сунутся, потому что они рискуютъ потерять и добро свое собственное. Благополучіе обусловливается хорошей полиціей. На меня не нападутъ, я не рискую подвергнуться на улицѣ непріятности, я могу ходить всюду покойно. Благополучіе обусловливается хорошими и огнебезопасными постройками, хорошей медициной, хорошимъ управленіемъ, а главнымъ образомъ и деньгами, потому что, какъ объяснилъ уже цитированный мною нѣмецкій поэтъ, все зло въ мірѣ произошло оттого, что когда Господь Богъ его сотворилъ, Онъ сотворилъ мало денегъ. Но имѣйте вы деньги и вы достигнете вершинъ благополучія, можно даже сказать, что Царствіе Божіе **отвнѣ** переселится **внѣ** васъ. Вы наслаждаетесь глубочайшимъ душевнымъ миромъ. Вы знаете, что можете получить все нужное вамъ на потребу. Захотите вы, прогуливаясь по Фридрихстрассе въ Берлинѣ, пива, къ вашимъ услугамъ учрежденія Ашингера. Захотите вы сосисекъ, вамъ какая-либо Гретхенъ отпуститъ ихъ сколько угодно въ гастрономической лавкѣ. Вы довольны настоящимъ и знаете, что ваши нужды будутъ удовлетворяться въ **грядущемъ**. Чего же больше желать?

Только не впадайте въ искушеніе. Не думайте, что ваше

счастье обусловлено тѣмъ, что внутри васъ, вашимъ духомъ. Нѣтъ; какими бы добродѣтелями вы не наполнили себя, разъ около васъ нѣтъ хорошаго солдата, хорошаго полицейскаго и хорошихъ порядковъ, вы рискуете оказаться и голоднымъ и холоднымъ и больнымъ.

Утопическая форма міросозерцанія, согласно которому Царство Божіе, т. е. по просту говоря, царство счастья обусловлено не тѣмъ, что внутри насъ, а тѣмъ, что внѣ насъ, эта форма носитъ имя социализма. Социализмъ возникъ на французской почвѣ (Сень-Симонъ, Базардъ, Шарль, Фурье, Прудонъ, Луи Бланъ, Бенуа Малонъ), но онъ выросъ и окрѣпъ на почвѣ нѣмецкой и на нѣмецкомъ языкѣ явилось величайшее произведеніе социалистической литературы — Капиталь Карла Маркса. Признаюсь, я съ трудомъ могу усмотрѣть различіе между утопіями бронированнаго кулака и утопіями социализма. Бронированный кулакъ, какъ и социализмъ, есть продуктъ крушенія нравственной вѣры.

Въ доброе старое время мечтали о перевоспитаніи чело- вѣчества, надѣялись создать новую породу людей, то призывали возвратиться къ жизни природы, то возлагали надежды на просвѣщеніе, что оно разсѣетъ не только умственный мракъ, но и нравственный мракъ сердець. Во всѣхъ этихъ призывахъ и теоріяхъ слышалась вѣра въ нравственныя силы людей. Теперь къ этимъ теоріямъ и призывамъ относятся какъ къ наивной дѣтской мечтѣ. Пріятно порою послушать, что лопочутъ и воображаютъ себѣ дѣти, но нельзя самому быть ребенкомъ. Теперь—выдвинуть принципъ, что людей можно сдѣлать счастливыми только насиліемъ. XIX вѣкъ далъ въ наслѣдство XX социалистическія ученія и социалистическую практику. Сущность социалистической доктрины я представляю себѣ такимъ образомъ. У меня нѣтъ никакой личной собственности, все мое принадлежитъ социалистическому обществу. Общество можетъ взять у меня все, чѣмъ я теперь пользуюсь. Но я самъ не могу ничего самовольно взять у общины. Согласно принципу метафорически или буквально на мнѣ долженъ быть надѣтъ намордникъ, чтобы я не кусалъ чужихъ кусковъ. У меня нѣтъ ничего своего, но по отношенію ко мнѣ есть много чужого. И вотъ, для того, чтобы я не стѣснялъ чужого и не препятствовалъ его развитію, меня опять таки метафорически или

буквально приковыываютъ на цѣпь, чтобы я не могъ перейти за границы отведеннаго мнѣ круга. Я не знаю болѣе холопской и менѣе осмысленной теоріи. Я называю ее холопскою, потому что она провозглашаетъ принципъ рабскаго подчиненія личности волѣ большинства. Но никакой воли большинства не существуетъ, существуетъ воля вожаковъ, большинства. Допустимъ, что въ частныхъ случаяхъ этими вожаками могутъ оказаться люди, которые желаютъ и умѣютъ приносить добро большинству, но, я думаю, никто не станетъ оспаривать, что этими вожаками легко могутъ становиться люди, которые желаютъ и умѣютъ обманывать большинство. Такъ или иначе, моя воля оказывается въ рабскомъ подчиненіи и возможно, что это грядущее рабство ужаснѣе рабства древняго міра. На самомъ дѣлѣ, допустите, что вотъ здѣсь установится сейчасъ социалистическій строй. Среди лицъ принужденныхъ подчиниться этому строю имѣется нѣсколько православныхъ христіанъ по своимъ убѣжденіямъ. Они желаютъ имѣть свой собственный храмъ, но вѣдь это будетъ частная собственность. Нѣтъ, говорятъ вамъ, этого нельзя, а тамъ еще вамъ окажутся нужными какія нибудь частныя церковныя средства. Это несогласно съ социалистическими законами. Въ самомъ лучшемъ случаѣ вамъ будетъ дано пользоваться храмомъ, который принадлежитъ обществу, какъ его собственность, и слѣдовательно въ святое святыхъ котораго вы не можете возбранить входа всякой невѣрующей свиньѣ. Даже у рабовъ и у крѣпостныхъ было нѣчто собственное, на что не посягали мало мальски порядочные владѣльцы, но въ грядущемъ предполагается у васъ не можетъ и не должно быть ничего, на что бы не могла покуситься воля вожаковъ большинства.

Бронированный кулакъ есть тоже пороженіе крушенія вѣры въ нравственныя силы человѣка. Платонъ, хотя былъ и слѣпой язычникъ, однако задачу законодательства поставлялъ въ томъ, чтобы дѣлать людей добродѣтельными. Теперь не намѣчаютъ такой неосуществимой задачи. Законы должны быть таковы, чтобы они дали мѣсто развитію силы способной охранить насъ отъ всякихъ покушеній на наше благополучіе. Эти силы—армія и флотъ. Эта теорія, а затѣмъ и практика утверждается на вѣрѣ, что добрый ударъ кулака скорѣе удержитъ грабителя отъ преступленія, чѣмъ самая

прочувствованная евангельская проповѣдь. Не идеальна эта теорія и практика, но всетаки они представляются мнѣ гораздо болѣе идеальными, чѣмъ социализмъ. Социализмъ есть отрицаніе индивидуализма и свободы. Ницше такъ характеризуетъ социализмъ: нѣтъ пастыря, одно лишь стадо, всѣ равны и желаютъ одного и того же. Кто думаетъ иначе, тотъ самъ отправляется въ сумасшедшій домъ. Характеристика предложенная Фридрихомъ Ницше справедлива. Социализмъ по существу не допускаетъ свободы мысли. Социализмъ говорить о религіи. Религія есть *Privatsache* — частное дѣло каждаго. Но религіозными воззрѣніями опредѣляются отношенія каждаго къ обществу, и общество должно считаться съ этими воззрѣніями. Социализмъ не намѣренъ съ ними считаться, онъ хочетъ ихъ игнорировать. Бронированный кулакъ можетъ охранять въ одномъ и томъ же обществѣ интересы и православныхъ и католиковъ и евреевъ и мусульманъ и язычниковъ. Онъ можетъ считаться съ религіозною совѣстью каждаго и принимать въ уваженіе требованія этой совѣсти. Далѣе бронированный кулакъ по своей идеѣ не долженъ препятствовать развитію индивидуальных силъ. Онъ даетъ дорогу и таланту и генію. Но принципъ равенства, провозглашаемый социализмомъ, признаюсь, ставитъ вопросъ—неужно ли осаживать выдающихся людей? Вѣдь, нужно все уравнивать. Представьте себѣ двухъ социалистовъ въ общемъ похожихъ одинъ на другого, но различающихся тѣмъ, что у одного изъ нихъ прекрасный носъ а другой, какъ Сирано де Бержеракъ, владѣетъ безобразнымъ носомъ. Шансы на счастье у того и другого неравны. Природа подшутила надъ однимъ. Задача социалистической общины исправить несправедливость природы. Я не знаю, какъ съумѣютъ съ этимъ справиться социалисты. Остановимся на другомъ примѣрѣ. Представимъ себѣ двѣ группы людей. Одна—болѣе способная, другая—менѣе способная. Въ той игрѣ, которая называется жизнью, должно ли общество дать той и другой группѣ по равному количеству очковъ или оно должно болѣе способнымъ дать ихъ меньше, а менѣе способнымъ дать ихъ больше, чтобы было равенство шансовъ на счастье. Но если послѣднее, то тогда социализмъ, насчитывающій въ своихъ рядахъ много евреевъ, пожалуй, можетъ санкціонировать и черту еврейской осѣдлости

и процентную норму для евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Бронированный кулакъ не ставитъ своею задачею установить немислимое равенство между репейникомъ и розою. Бронированный кулакъ допускаетъ и различіе индивидуальностей, исключаящее теорію всеобщаго равенства, и право ума и красоты на преимущественное вниманіе. Бронированный кулакъ въ идеаль долженъ охранять правду и справедливость. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ—охраняетъ ли онъ въ дѣйствительности правду или неправду—разгромивъ и ограбивъ Бельгію, должны поставить вопросъ: является ли онъ принципиально надежною защитою и можетъ ли онъ дать счастье. Мы видимъ, что народы міра возстали теперь противъ системы бронирования кулака. Дѣло здѣсь не въ Сербіи и Бельгіи, не въ тѣхъ милліонахъ страдальцевъ, которые выбыли изъ строя въ разныхъ арміяхъ міра, не исключая и германской, дѣло въ самой теоріи. Со времени франко-прусской войны (1870—1871) создалась теорія благополучія, именуемая милитаризмомъ. Теорія эта приложенная къ практикѣ оказалась чреватой печальными послѣдствіями. Теперь тѣ, которые воюютъ съ германскою арміею, воюютъ и съ германскою философіею—господствующею философіею дня. Ея иго хотятъ свергнуть.

Разгромъ нѣмецкой арміи будетъ разгромомъ нѣмецкаго міросозерцанія. Какое міросозерцаніе, какіе идеалы станутъ на очередь дня вслѣдъ за умирающими идеалами Берлина? Отвѣчать на этотъ вопросъ значитъ пророчествовать. Пророчества, которыя давались ранѣе *sua sponte*, т. е. по собственной инициативѣ различными лицами, подраздѣляются на два рода: одни изъ нихъ исполнились, другія не исполнились. Послѣднихъ 95%. Если бы я вздумалъ теперь предсказывать, то теорія вѣроятностей безжалостно показала бы, что вѣра въ правду моихъ словъ не должна отличаться значительно отъ нуля. Поэтому лучше мнѣ не пророчествовать. Да и нѣтъ нужды въ этомъ.

Много міровоззрѣній смѣнилось въ теченіе столѣтій, много воды утекло. Въ другихъ кафтанахъ ходятъ люди и говорятъ иныя рѣчи, чѣмъ говорили сто лѣтъ тому назадъ. Но какъ вѣрно то, что въ сущности люди остались тѣми же самыми, какими они были всегда.

Все та же единая

Сила манить насъ впередъ неизвѣстная,
 Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
 Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя.
 Правда все та же...

Какъ вѣрно это, такъ вѣрно то, что школа, въ которую теперь вступили вы, въ которой мы будемъ отнынѣ работать съ вами вмѣстѣ, эта школа не мѣнялась. Однимъ и тѣмъ же идеаламъ служила она, за одну и ту же правду боролась она сто лѣтъ.

Вѣра нашей школы есть христіанство въ православномъ пониманіи. Какъ и всякая школа, наша академія имѣетъ своею задачею содѣйствовать благополучію людей. Слишкомъ наивно и неосновательно утвержденіе, что христіанство не имѣетъ въ виду земного благополучія. Христось началъ дѣятельность свою съ того, что явился на бракъ и претворилъ воду въ вино. Онъ началъ, слѣдовательно, съ того, что освятилъ самыя земныя изъ земныхъ радостей. Онъ никогда не шёлъ противъ нихъ. Онъ призывалъ людей къ чистымъ радостямъ. Онъ показывалъ имъ, что любоваться лиліями долины гораздо разумнѣе, чѣмъ одеждami Соломона. Христіанство не отрицаетъ счастья на землѣ, но оно утверждаетъ, что счастье на землѣ невозможно безъ мысли о небѣ. „Ищите прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ“ (Мѡ. VI, 33). Что это все? пища, одежда, сокровища. Но прежде нужно искать царства Божія. Гдѣ же его искать? Христось говоритъ: „царствіе Божіе внутри васъ есть“ (Лк. XVII, 21). Но царство Божіе или, что тоже царство небесное и есть счастье; овладѣть имъ и значитъ овладѣть счастьемъ. И овладѣть имъ повидимому нелегко. „Царство небесное силою берется, и употребляющіе усиліе восхипцаютъ его“ (Мѡ. XI, 12). Но если этимъ царствомъ всегда нелегко овладѣть, то съ другой стороны имъ всегда можно овладѣть. Царство Божіе приблизилось къ людямъ по ученію Христа, и каждый если захочетъ и употребить усилія станетъ его членомъ, а если станетъ его членомъ, то значитъ будетъ благополученъ и счастливъ. И на самомъ дѣлѣ студенты, вступившіе въ академію въ 1814 году, были ли людьми менѣе счастливыми и болѣе несчастными, чѣмъ вы? У насъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній

утверждать это. Я думаю, что они съ такимъ же аппетитомъ обѣдали—хотя меню ихъ было болѣе скромнымъ. Несомнѣнно между ними было и франты довольные своими сюртуками, которые вамъ вѣроятно показались бы смѣшными. А затѣмъ у нихъ было много своихъ радостей, какъ у васъ—своихъ. Студенты перваго курса Московской духовной академіи основали общество „ученныя бесѣды“. Несомнѣнно, эти бесѣды доставляли имъ удовольствіе, но несомнѣнно они доставляли удовольствіе не всѣмъ. Въ составъ общества вступило 26 членовъ, остальные студенты (около 40), надо полагать, тяготѣли къ менѣе ученымъ ассоціаціямъ. Многое съ тѣхъ поръ перемѣнилось въ академіи. Но умножилось ли счастье? Не берусь отвѣчать на этотъ вопросъ. Замѣчу только, что студенты даже на моей памяти, обнимающей 29 лѣтъ, стали больше болѣть. Раньше у насъ и въ больницѣ не было брома, а теперь студенты принимаютъ бромъ не только передъ экзаменомъ, но даже и тогда, когда отправляются куда-нибудь танцовать.

Жизнь такого небольшого муравейника, какъ академія, отражаетъ въ нѣкоторой мѣрѣ въ себѣ жизнь всего человечества. Исторія этой жизни за столѣтіе въ нѣкоторой мѣрѣ отражаетъ въ себѣ вообще исторію. И мнѣ думается, эта жизнь и ея исторія являются иллюстраціей, поясняющей разумность нашихъ идеаловъ. Наша школа какъ никакъ служитъ наукѣ, но она говоритъ: не въ наукѣ—счастье, наша школа служитъ дѣлу устроенія лучшихъ порядковъ: она, вѣдь, занимается церковнымъ законодательствомъ. Но она говоритъ: не въ порядкахъ—счастье. Наша школа, смѣю сказать, всегда стояла и за свободу, начиная съ первыхъ питомцевъ ея перваго курса. Уже Ѳ. А. Голубинскій выступалъ на защиту англиканскихъ книжекъ противъ нашихъ неумѣренныхъ ревнителей православія. По поводу ихъ обвиненій онъ писалъ: „какъ могу я содѣйствовать къ обнародованію такихъ неосновательныхъ подозрѣній и придирокъ? Какъ могу пособлять инквизитору въ прегражденіи тѣхъ благодѣтельныхъ каналовъ, которыми многія сотни дѣтей и простосердечныхъ людей возбуждаются къ обращенію отъ грѣховъ?“ Но защищая свободу, наша школа говоритъ: не въ свободѣ—счастье.

Счастье — не въ наукѣ и не въ культурѣ. Теоретическая

задача науки — овладѣть истиной, но наука съ несомнѣнностью выясняетъ, что истиной она не овладѣетъ никогда. Заниматься неразрѣшимой проблемой, разумѣется, не значитъ быть счастливымъ. Но говорить, практически наука даетъ благополучіе, ибо даетъ культуру. Я думаю, что культура ведетъ человѣка отъ счастья, а не къ счастью.

Я думаю, что чѣмъ болѣе культуренъ человѣкъ, тѣмъ менѣе для него возможно счастье. У насъ любятъ умиляться на культуру, великія надежды возлагаютъ на ея будущее. На самомъ дѣлѣ культура гораздо больше возбуждаетъ аппетиты, чѣмъ удовлетворяетъ ихъ. Не затрогивая пока вопроса о будущемъ, остановимся на настоящемъ. Сравним дикаря и культурнаго человѣка. По моему мнѣнію между ними двойное различіе: 1) потребности культурнаго человѣка удовлетворить гораздо труднѣе, чѣмъ потребности дикаря и 2) удовлетвореніе потребностей доставляетъ дикарю гораздо болѣе удовольствія, чѣмъ культурному человѣку. Этнографы и антропологи любятъ проводить параллели между дикаремъ и ребенкомъ. Дикарь вырастаетъ, не теряя вкуса къ тому, что любятъ дѣти. Дикарю доставляетъ громадное наслажденіе пища. Дикари, какъ и дѣти, любятъ игры. Дикари забываются въ танцахъ. Дикарь ближе къ природѣ, чѣмъ лучшіе натуралисты, лабораторіи которыхъ далеки отъ живой дѣйствительности, и дикарь сильнѣе и тоньше чувствуетъ природу, лучше замѣчаетъ въ ней нюансы и перемѣны, чѣмъ талантливые художники. Дикарь интимно связанъ съ природой, вслѣдствіе этого природа даетъ ему больше, чѣмъ культурному человѣку, а проситъ онъ у ней меньше. Дикарь смотритъ на природу иными глазами, чѣмъ ученый. Для дикаря природа божественна, одушевлена. Разумѣется, пока человѣкъ не извратитъ совѣсь своей природы, окружающая дѣйствительность является для него источникомъ эстетическаго наслажденія, но это наслажденіе расколаживается анализомъ. Ученый спѣшитъ увѣрить себя, что чувство красоты субъективно, что природа только механизмъ, не преслѣдующій никакой цѣли, равнодушный къ красотѣ, добру и злу. Возрѣнія дикаря—поскольку мы знаемъ возрѣнія дикарей,—напротивъ, усиливаютъ впечатлѣнія отъ природы. Они чувствуютъ въ природѣ что-то высшее, таинственное, святое.

Говорятъ, что культура обезпечиваетъ и увеличиваетъ благополучіе? Такъ ли это? Въ культурныхъ войнахъ погибаетъ неизмѣримо больше людей, чѣмъ въ войнахъ дикарей. Культура не обезпечиваетъ и не гарантируетъ чело-вѣку невозможность случайной смерти, но она какъ-то развиваетъ въ чело-вѣкѣ чувство страха передъ смертію. Культурные люди трусливѣе дикарей. А уже существованіе страха смерти есть сильная тѣнь, набрасываемая на чело-вѣческое благополучіе. Говорятъ о дарахъ культуры. Какіе это дары? Дикое завываніе первобытныхъ дудокъ, бой въ барабанъ, въ бубны доставляютъ дикарю болѣе наслажденія, чѣмъ современному меломану музыка Бетховена и Рубинштейна. У дикарей всегда есть своя живопись и скульптура. У нихъ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ и телефоновъ. Они имъ и не нужны. У нихъ нѣтъ докторовъ, берущихъ по 25 и 50 рублей за пріемъ съ пациентовъ, но въ этомъ отношеніи мы имъ можемъ только завидовать. Ихъ знахари—жрецы стоятъ несравненно дешевле, а статистическими данными относительно того, сколько ихъ сравнительно не вылечиваютъ знахари и доктора, мы не располагаемъ. Замѣчу только, что современные доктора замѣтно поворачиваютъ въ сторону знахарства, потому что внушеніе и гипнотизмъ—главные способы леченія у дикарей—начинаютъ признаваться важными лечебными факторами у людей культурныхъ. Я глубоко завидую дикарямъ уже въ томъ, что у нихъ нѣтъ газетъ. Мы культурные люди для того, чтобы не пребывать во мракѣ, принуждены ежедневно пробѣгать нѣсколько газетъ. Если вы занимаете видное общественное положеніе, то развертывая газету, вы рискуете всегда встрѣтить сообщеніе о томъ, что вы допускаете возмутительныя злоупотребленія во ввѣренной вамъ области, что вы берете взятки, преслѣдуете честныхъ и умныхъ людей, отдаете мѣста близкимъ родственникамъ. Развязный корреспондентъ безъ затрудненія намекаетъ, что вы принимаете участіе въ подлогахъ, что у васъ запутанныя семейныя отношенія. Могутъ коснуться и вашей родословной и сообщить такія вещи о вашихъ родителяхъ, что вчужѣ станетъ страшно. Но если вы — такой счастливый чело-вѣкъ, что васъ лично никогда не задѣваютъ газеты, то все равно вамъ при чтеніи ихъ не избѣжать тяжелаго чувства. У васъ есть тѣ или иные вѣрованія, убѣ-

жденія, вы сочувствуете тѣмъ или инымъ проектамъ и никакимъ чудомъ вы не спасетесь оттого, чтобы на ваши глаза не попала газета, утверждающая, что раздѣляемые вами вѣрованія нелѣпы, убѣжденія—неискренни, проекты—лжавы. Конечно и дикари злословятъ другъ друга, но дикарь не получаетъ и не держитъ въ своей жизни позорящихъ его изданій, и злословіе у дикарей идетъ подъ сурдинку и гораздо медленнѣе и осторожнѣе превращается въ публичное обвиненіе. Чѣмъ это дѣлается въ европейской или американской печати.

Убѣжденія дикаря—каковы бы они ни были—обычно гораздо тверже, чѣмъ убѣжденія людей культурныхъ. Культурный человѣкъ всегда нѣсколько скептикъ, нѣсколько сомнѣвающийся. Но состояніе сомнѣнія не есть состояніе благополучія. Представьте себѣ влюбленнаго юношу—дикаря и нашего студента. Дикарь любитъ и конецъ. Онъ, не задумываясь, свернетъ шею своему сопернику, во многихъ случаяхъ для того, чтобы любимая дѣвушка стала его женой, онъ готовъ на опасные подвиги, не задумывается, пожалуй, поставить на ставку и свою жизнь. Теперь посмотримъ культурнаго юношу. Уже чтеніе литературныхъ произведеній, гдѣ безъ конца выводятся ловительницы жениховъ, заставляетъ его задумываться, не обманывается ли онъ въ любимой дѣвушкѣ, не скрываетъ ли она подъ личиною добродѣтели некрасивыя вожделѣнія. Прежде, чѣмъ пережить свою жизнь въ дѣйствительности, современный юноша переживаетъ чужія жизни по книгамъ. После этого къ событіямъ въ собственной жизни онъ подходитъ съ сомнѣніемъ и анализомъ. Но анализъ и сомнѣнія плохой гарниръ для чувства любви. А затѣмъ, что касается до культурныхъ дѣвушекъ, то я думаю что ихъ опытность давно заставила ихъ отказаться отъ мысли имѣть мужьями людей способныхъ на геройскіе подвиги.

У культурныхъ людей исчезаютъ сильныя чувства, они даже стыдятся ихъ, а гдѣ нѣтъ сильныхъ чувствъ, тамъ не можетъ быть и большихъ радостей. Чувства находятъ свое выраженіе въ поэзіи, и поучительно, что поэзія въ жизни народовъ предшествуетъ прозѣ. Гомеръ древнѣе Платона, и поэзія въ Аравіи существовала задолго до того, какъ явилась проза корана. Но счастье, если оно дѣйствительно

похоже на счастье, должно быть поэтично, а не прозаично. И вотъ почему мнѣ думается, что, когда вмѣстѣ съ культурой въ жизни народовъ является проза, то вмѣстѣ съ этимъ ослабляется возможность счастья.

Но если культура ослабляетъ чувства наслажденія и радости, то тогда само собою рѣшается вопросъ—къ счастью или отъ счастья идетъ человѣчество? оно идетъ или по крайней мѣрѣ хочетъ идти путемъ прогресса, оно хочетъ культурнаго преуспѣянія, оно хочетъ, чтобы миражи, иллюзии, суевѣрія были разсѣяны, оно хочетъ все понять, чтобы перестать удивляться и восхищаться, чтобы перестать одобрять и порицать.

Культура хочетъ лишить человѣка и радостей и горестей. Но горестей лишить нельзя. Смерть близкаго человѣка хотя бы и предусмотрѣнная медициною, тягостна, и самый обыкновенный насморкъ можетъ причинить много непріятностей. Но радости культура у человѣка отнимаетъ, потому что она отнимаетъ у человѣка праздники и оставляетъ ему только будни.

Счастье и не въ порядкахъ. Послѣднее десятилѣтіе у насъ много говорятъ о церковныхъ реформахъ. Но реформы могутъ измѣнить лишь взаимоотношеніе лицъ, а не лица. Неужели вслѣдствіе какихъ-либо перестановокъ Духа Божія окажется въ церкви больше, чѣмъ было? И особенно въ области церковной странно говорить о значеніи порядковъ. Здѣсь все дѣло въ личности. Если иногда гороховые шуты и оказывались въ роли религіозныхъ вождей, и мы имѣли Гапоновъ, Иліодоровъ и К^о, то конецъ ихъ всегда былъ гибель. Часто говорятъ, что всякій народъ имѣетъ такое правительство, какого онъ стоитъ. Но въ церкви по существу нѣтъ и правительства. Благодатные дары члены церкви получаютъ отъ Бога черезъ посредство іерархіи, но далѣе всѣ ихъ отношенія къ горнему міру обусловливаются ихъ личностью, а не какими либо выдаваемыми имъ полномочіями или паспортами. Правда, миръ и радость о Духѣ Святомъ, т. е. такое состояніе души, которое дѣлаетъ ее блаженною, не можетъ быть дано человѣку никѣмъ кромѣ его самого. И самъ онъ можетъ обрѣсти его путемъ собственныхъ нравственныхъ усилій, не смотря ни на какіе порядки.

Счастье—и не въ свободѣ. Свободу вослѣвдаютъ, свободы

домогаются; тоскуютъ, что ея нѣтъ. Собственно всѣ эти рѣчи о свободѣ не совсѣмъ ясны и понятны. Вѣдь, всякое представленіе мнѣ свободы есть ограниченіе свободы другого. Отсюда слѣдуетъ, что рѣчь о свободѣ не можетъ вестись независимо отъ рѣчи о границахъ свободы. Мужикъ можетъ свободно продавать на базарѣ капусту, а вы можете свободно ходить по базару. Но мужикъ поставилъ свою телыгу съ капустою поперекъ дороги. Онъ лишилъ васъ возможности пользоваться правомъ свободнаго передвиженія. Чтобы этого не было, нужно ограничить его свободу и указать ему опредѣленное мѣсто, гдѣ онъ долженъ стоять. Но не будемъ останавливаться на выясненіи подробностей вопроса о свободѣ. Будемъ говорить о свободѣ, какъ о ней обыкновенно говорятъ, не затрудняя себя особо глубокимъ размышленіемъ о предметѣ. Говорятъ: счастье—въ свободѣ. Представимъ себѣ, что человѣку дали свободу. Спросимъ, что онъ съ нею будетъ дѣлать? Большинство чиновниковъ свободно по вечерамъ и большинство изъ нихъ проводятъ время за картами. Но разъ человѣкъ приступаетъ къ игрѣ, онъ уже отрекается отъ своей свободы, онъ свободно подчиняется правиламъ игры — всегда не очень разумнымъ и въ конечномъ результатѣ безмысленнымъ. Въ беллетристической формѣ то положеніе, что свобода на самомъ дѣлѣ тяготитъ человѣка, и человѣкъ ищетъ кому бы ее отдать, это положеніе разработано Достоевскимъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ (поэма „Великій инквизиторъ“). Не свобода, а рабство спасаетъ насъ въ жизни. Мы пишемъ письма, начиная съ „милостивый государь“ и кончая „Вашъ покорный слуга“, руководясь шаблонами и рабски слѣдуя имъ, и это дѣлаетъ легкою нашу задачу. Попробуйте написать письмо *свободно*, не подчиняясь установленнымъ шаблонамъ ни въ обращеніи, ни въ заключеніи, ни въ содержаніи, погрызете, погрызете перо, бросите и потомъ начнете писать по образцу предковъ. Гораздо раньше Достоевскаго въ философіи Мэнъ де Бираномъ была установлена правильная точка зрѣнія на взаимоотношеніе человѣка и свободы. Животныя всецѣло подчинены природѣ, человѣкъ въ нѣкоторой мѣрѣ эмансипировался отъ власти природы, поэтому Гердеръ назвалъ человѣка первымъ вольноотпущенникомъ природы. Мэнъ де Биранъ рассуждаетъ такъ. Человѣкъ познаетъ свое „я“, какъ

совокупность усилій, стремящихся преодолѣть сопротивленія отовсюду (отъ собственной и отъ внѣшней природы). Подчиняясь природѣ, человѣкъ живетъ чувственною, животною жизнію. Препобѣждая природу и высвобождаясь изъ подчиненія ей своими усиліями (волей), онъ живетъ жизнью разумною. Но и эта жизнь не можетъ удовлетворить его. Полное удовлетвореніе онъ можетъ найти лишь въ подчиненіи своего освобожденнаго „я“ высшей реальности и въ общеніи съ этой реальностью. Такъ человѣкъ, освобождаясь отъ подчиненія низшей силѣ, еще не находитъ удовлетвореніе; онъ находитъ таковое, подчиняясь силѣ высшей—требованіямъ долга, морали. Если есть нѣчто высшее, чѣмъ добро, то человѣкъ можетъ стать по ту сторону добра и зла, но только во имя подчиненія высшему принципу.

Счастье — не въ свободѣ, а въ свободномъ подчиненіи принципамъ высшаго блага. Счастье—въ святости. Святость есть такое настроеніе души, при которомъ человѣкъ радостно осуществляетъ велѣнія божественной воли раньше, чѣмъ они бывають возвѣщены ему въ формѣ заповѣди. Святой не думаетъ о заповѣди. Праведнику законъ не лежитъ, потому что праведникъ хочетъ того, что повелѣваетъ законъ. Святой блаженнъ, потому что между его волею и высшею волею существуетъ единство, гармонія. Святой блаженнъ, потому что онъ подчинился святѣйшему. Такой взглядъ на блаженство или счастье имѣетъ въ своей основѣ предположеніе, что существуетъ нѣчто святое и что нужно искать общенія и единенія съ нимъ.

Наша школа неизмѣнно втеченіе ста лѣтъ и учитъ тому, что есть нѣчто высшее, нѣчто святое и она ведетъ и будетъ вести борьбу за святое. Не за храмы, не за иконы; не за догматы только борется она съ разными отрицательными міросозерцаніями, она борется противъ попытокъ опустошить нашу душу, противъ попытокъ низвести насъ до животнаго состоянія. Этотъ тезисъ можетъ показаться страннымъ. Вѣдь, академія боролась и борется главнымъ образомъ не съ невѣжествомъ, не съ суевѣріями, а съ различными философскими и научными теоріями, т. е. теоріями, которыя возникли во всякомъ случаѣ, потому что человѣкъ высоко поднялся надъ животными. На это скажу я: наука не знаетъ первоначальнаго состоянія человѣчества, но я бо-

юсь, что ея теоріи прямо направляютъ человѣка къ скотоподобному состоянію. Пользованіе телеграфомъ и телефономъ еще не даетъ патента на дѣйствительно человѣческое достоинство. Можно и собаку выучить лаять въ телефонъ. Человѣка поднимаетъ надъ животнымъ серія чувствованій неприсущихъ животному. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Человѣку присущи чувства благоговѣнія, почтенія, умиленія. Должны ли существовать эти чувства? Наша школа призываетъ насъ развивать ихъ въ себѣ, но обратимся къ философскимъ школамъ, ходящимъ по стихіямъ міра, что говорятъ они? Съ ихъ точки зрѣнія благоговѣніе есть чувство патологическое. На что должно быть обращено оно, предъ кѣмъ я долженъ благоговѣть? Предъ человѣкомъ болѣе меня способнымъ, но ни одинъ геній не знаетъ, откуда онъ получилъ свой геній; слѣпая природа дала ему его, какъ она дала могучія крылья орлу и крѣпкіе зубы волку. Да и не прочная вещь—геніальность. Сегодня человѣкъ слыветъ за генія, а завтра—смотришь, этотъ геній потерялъ способность утирать свой носъ. Это случилось съ Фридрихомъ Ницше. Эммануиль Кантъ въ концѣ своей жизни впалъ въ дѣтство. Оскаръ Уайльдъ послѣ заключенія въ тюрьмѣ потерялъ свой талантъ. Предъ кѣмъ же намъ благоговѣть? Нѣтъ ничего выше насъ, а въ насъ очень много дурного. Правдивыя біографіи геніальныхъ людей показываютъ, что они имѣли недостатки не меньшіе, чѣмъ малые люди. А. С. Пушкинъ не былъ святымъ. Далекое не былъ имъ и М. Ю. Лермонтовъ. На что же намъ обратить чувство благоговѣнія. Во вселенной нѣтъ объекта, предъ которымъ стоило бы благоговѣть. Предъ звѣздами и солнцемъ мы не можемъ благоговѣть, потому что они мертвы, а мы поднялись надъ стадією фетишизма; благоговѣніе можетъ быть обращено лишь на высшее существо, т. е. на Бога, или на такихъ разумныхъ существъ, въ которыхъ преимущественно пребываетъ Богъ. Но намъ предложена съ вами теорія божественнаго невмѣшательства. Бога нѣтъ ни во мнѣ, ни въ васъ. Мы всѣ только сплетеніе разныхъ низменныхъ инстинктовъ. Перестанемъ говорить о благоговѣніи.

Не предъ чѣмъ намъ съ вами умиляться, нечего намъ почитать. На землѣ широко распространено почитаніе предковъ. Многіе мыслители изъ этого почитанія пытаются вы-

вести всѣ формы религій. Пытался дѣлать это Спенсеръ. Почитаніе предковъ не исчезло и въ культурномъ мірѣ. Ставятся памятники великимъ дѣятелямъ, справляются ихъ юбилеи, вспоминаются ихъ дни рожденія и смерти. Въ этомъ почитаніи много недоразумѣній. Во 1) почитается то, что уже не существуетъ; во 2) почитается то, что можетъ быть никогда и не существовало. Оставляя въ сторонѣ то, что историческая наука заподозрила существованіе Моисея, Гомера, Ликурга, я имѣю въ виду слѣдующее. Наше почитаніе часто можетъ быть обращено не по адресу. Открытія, которыя мы приписываемъ извѣстнымъ лицамъ, на самомъ дѣлѣ могли быть совершены совсѣмъ другими. Дѣянія, которыя намъ представляются славными, при другой точкѣ зрѣнія могутъ представиться позорными. Что касается до открытій, то они въ исторіи иногда завѣдомо связываются съ именами ученыхъ ихъ не слѣлавшихъ. Биномъ Ньютона, который заучиваютъ школьники, несомнѣнно не есть открытіе Ньютона. Онъ былъ извѣстенъ до него. Вы найдете коэффициенты бинома въ мистическомъ треугольникѣ Паскаля. Дѣянія людей можно оцѣнивать различно. Одни воспѣвали Аттилу V-го вѣка и воспѣваютъ Аттилу XX-го, другіе относятся къ нимъ съ омерзеніемъ. На самомъ дѣлѣ никого не слѣдуетъ ни воспѣвать, ни почитать. Съ точки зрѣнія современной науки наши предки были похожи на оранг-утанговъ, гориллъ и чимпанзе. Въ ряду различныхъ животныхъ эти менѣе всего вызываютъ къ себѣ чувство почтенія. По теоріи слѣдуетъ, что наши отдаленные потомки будутъ трактовать насъ такъ же, какъ мы трактуемъ оранг-утанговъ. О какомъ почтеніи здѣсь можетъ быть рѣчь? Это чувство недолично существовать въ нашей душѣ.

Люди говорятъ о чувствѣ благодарности. Апостоль писалъ солунянамъ: „всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите“ (V, 16—18). Но нечему радоваться. Некому молиться и некому благодарить. Благодарность есть теплое и радостное чувство, вызываемое во мнѣ благожелательностью ко мнѣ моего ближняго выраженною въ дѣлахъ. Благодарность—рѣдкое чувство. Нѣкоторые говорятъ, что ея совсѣмъ не существуетъ. Такая мысль проводится у Тургенева въ его маленькомъ стихотвореніи въ прозѣ „Пиръ у Верховнаго Существа“. Но должно ли существовать это чув-

ство? Наша школа говорить о благодарности и къ Богу, и къ святымъ, и къ родителямъ и къ учителямъ, и ко всѣмъ, кто далъ бы намъ хотя чашу студеной воды. Но на самомъ дѣлѣ мы—необходимый продуктъ по необходимости саморазвивающагося міра. Взаимоотношенія съ Богомъ у насъ нѣтъ. А гдѣ нѣтъ связи, нѣтъ взаимности, тамъ не должно быть и никакихъ чувствъ. Говорить о благодареніяхъ къ намъ святыхъ значитъ вызывать глумленіе. Нужно ли питать благодарность къ родителямъ? Конечно, нѣтъ; стоитъ только припомнить циничныя рѣчи Франца Моора въ „Разбойникахъ“ Шиллера. *Den Vater, der vielleicht eine Bouteille Wein weiter getrunken hat, kommt der Kitzel an-und draus wird ein Mensch, und der Mensch war gewiss das letzte, woran bei der ganzen Herkulesarbeit gedacht wird (Vierter Akt. Zweite Scene).* Удовлетвореніе похоти, а не любовь къ потомству производить потомство. Затѣмъ социальный прогрессъ теперь, называется, состоитъ въ томъ, что дѣти отрекаются отъ идеаловъ, вѣрованій и жизненной практики отцовъ. Въ одномъ народномъ произведеніи выводится купчиха, спрашивающая монаха: „правда ли, что при постриженіи заставляютъ отца съ матерью проклинать?“ На что монахъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, такъ партикулярныхъ въ частности“. Какіе партикулярные въ частности проклинаются при постриженіи, я не знаю. Такихъ нѣтъ. Но что теперь широко распространена пропаганда, базирующаяся на культурѣ и призывающая дѣтей отрекаться отъ родителей, проклинать идеалы и вѣру отцовъ, а значить, въ сущности и ихъ самихъ, потому что отрицается и проклинается ихъ духовное содержаніе, этотъ фактъ извѣстенъ всѣмъ. Явились новые Ироды, ласкою и прельщеніями отнимающіе дѣтей у матерей. И „Рахиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ, и не хочетъ утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ“ (Ме. 11, 18). Новѣйшая культура посѣяла раздоры и рознь между отцами и дѣтьми. Эта рознь исключаетъ чувство благодарности у послѣднихъ по отношенію къ первымъ. Но если у дѣтей исчезаетъ благодарность къ отцамъ, то выбросьте благодарность изъ числа чувствъ присущихъ человѣческой душѣ.

Много духовныхъ наслажденій даетъ человѣку удовлетворенное чувство жалости. Помочь безпомощному, дать силы безсильному и смотрѣть, какъ онъ становится изъ несчастнаго

счастливымъ и изъ печальнаго радостнымъ, это доставляетъ наслажденіе. Но если уже что, то именно событія настоящихъ дней показываютъ, что на жалость надо смотрѣть, какъ на непрактичное и некультурное чувство. Если бы императоръ Вильгельмъ руководился жалостью къ своимъ подданнымъ, развѣ онъ устроилъ бы ту міровую кровавую баню, которую устроилъ? Я сказалъ уже, что принципы господствующаго міровоззрѣнія направляютъ человѣка къ скотоподобию. Это особенно удобно выяснитъ на отношеніи этого міровоззрѣнія къ чувству жалости. Во имя жалости мы сохраняемъ тѣхъ, которые не только не способствуютъ жизни, но мѣшаютъ жить: слабыхъ, уродовъ, больныхъ, сумасшедшихъ, престарѣлыхъ. Но вѣдь, они претставляютъ собою балластъ, препятствующій намъ двигаться свободно и смѣло. Мы тратимъ на ихъ уходъ и содержаніе свои силы, мы оказываемся прикованными ради нихъ къ какому-нибудь мѣсту, во имя ихъ благополучія мы отказываемся отъ широкихъ и плодотворныхъ плановъ. Вообще ихъ благополучіе вредитъ благополучію нашему и благополучію человѣчества. Лучше отдѣлаться отъ нихъ и покончить съ ними. Эту мысль—хотя и не въ такой дикой формѣ—подсказывалъ Ницше. Эта мысль подсказывается событіями дня. Если бы въ Германіи затраты на богадѣльни были бы замѣнены затратами на армію, то у германскаго императора армія была бы лучше, чѣмъ теперь. Слабыхъ не нужно жалѣть, ихъ нужно уничтожать. Это полезно для блага культуры. Но обратимся отъ культурнаго міра къ міру животному. У животныхъ есть инстинктъ, побуждающій ихъ преслѣдовать своихъ больныхъ или слабыхъ товарищей. Американскій натуралистъ Хэдсонъ отмѣчаетъ, что при видѣ сотоварища находящагося въ крайне бѣдственномъ положеніи, стадомъ или семействомъ овладѣваетъ внезапная и смертельная ярость. Травоядные въ такихъ случаяхъ топчуть и бодаютъ несчастнаго до смерти. У волковъ и другихъ диконравныхъ плотоядныхъ видовъ несчастнаго товарища часто разрываютъ на клочки и пожираютъ на мѣстѣ. Мы имѣемъ свидѣтельства, что нѣмцы добиваютъ собственныхъ раненыхъ. Это и культурно и цѣлесообразно. Но только, чтобы дѣлать это спокойно безъ мученій и угрызеній совѣсти, для этого нужно изъ сердца вытравить жалость.

Безрелигіозная культура настоящаго хочеть уничтожить въ будущемъ самыя святыя чувства человѣка. Но самое понятіе „безрелигіозная культура“ заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Слово cultura происходитъ отъ соловодѣлываю, почитаю; культура тѣснѣйшимъ образомъ связана съ культомъ. И когда уничтожаютъ культъ, на мѣсто культуры становится что-то звѣрообразное. Втеченіе столѣтія, пока существовала наша академія, выдающіеся мыслители разныхъ странъ пытались создать независимую, безрелигіозную этику. Чтобы возвысить мораль, ее стали отдѣлять отъ религіи. Поднялась ли отъ этого мораль на высшую ступень, какъ совершенно бескорыстная? Нѣтъ; она ниспустилась до утилитаризма. Напрасно говорятъ, что мораль вышла изъ принципа пользы, она не вышла изъ него, а пришла къ нему. Теперь дѣйствуютъ не во имя морали, а по тактическимъ соображеніямъ. Теперь нѣтъ уже ни религіи человѣко-божества Фейербаха, ни религіи человѣчества Конта. Человѣкъ теперь не есть самоцѣль, имѣющая сама въ себѣ безконечную цѣнность. Человѣкъ есть только средство. Человѣчество является безцѣльною системою средствъ. Настоящая война предпринятая государствомъ, рационализировавшимъ христіанство, служить, не скажу, прекрасною, но ужасною иллюстраціею положенія вещей: чудный жемчугъ Іордана подмѣненъ никауда негодными раковинами Шпре.

Но мы не участвовали въ этой подмѣнѣ. Просуществовавъ сто лѣтъ, академія осталась при старой вѣрѣ и при старыхъ идеалахъ. Сто лѣтъ въ академіи читались нѣмецкія книги. Многому мы научились изъ нихъ, но мы не заплатили за прибрѣтенное знаніе свыше видѣренною въ насъ вѣрою. Если это случилось съ нѣкоторыми, то о нихъ скажемъ: они вышли отъ насъ, но они не были отъ насъ. Не разобщить человѣка съ Богомъ стремилась академія, а приблизить человѣка къ Богу—утвердить православную вѣру и воспитать въ душѣ религіозную настроенность. И вѣра религіозная давала намъ вѣру научную, ибо только при вѣрѣ въ Бога можно вѣрить, что истина откроется намъ. И вѣра религіозная давала вѣру житейскую, потому что только при вѣрѣ въ Бога можно быть увѣреннымъ въ конечномъ успѣхѣ добрыхъ начинаній. Религіозная настроенность, которую по мѣ-

рѣ силъ вселяли пастыри, воспитывавшіеся въ академіи или воспитанные питомцами нашей академіи, удваивала радости и ослабляла въ людяхъ скорби земного бытія. Святыя чувства развивались и крѣпили въ сердцахъ. И вотъ теперь лучшія чувства русскихъ людей подвергаются великому испытанію. Каждый день тамъ, далеко на западѣ насильственная смерть скашиваетъ сотни и тысячи юныхъ и многообѣщающихъ жизней. Какъ возможно здѣсь утѣшеніе? Утѣшаться мыслью о конечной побѣдѣ, о сокрушеніи врага, о томъ, что послѣ войны у насъ откроются перспективы спокойнаго развитія и преуспѣянія. Но вѣдь эта побѣда не воскреситъ намъ мертвецовъ легищихъ костями на поляхъ Пруссіи и Австро-Венгріи. Что до этой побѣды тѣмъ матерямъ, которые нѣкогда вынашивали и кормили своею грудью этихъ мертвецовъ. О нихъ говорить поэтъ:

Имъ не вернуть своихъ дѣтей.
 Какъ не поднять плакучей вѣвъ
 Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Только одно возможно здѣсь утѣшеніе, что сыновья пали жертвами долга, пали за правду и что имъ соблюдается вѣнецъ правды. Но это утѣшеніе можетъ дать лишь религиозная вѣра.

И только при этой вѣрѣ возможны любовь и надежда. Только при этой вѣрѣ слова: „правда, святость, милосердіе“ имѣютъ значеніе. Что станетъ съ міромъ, если онъ откажется отъ вѣры. Отказаться отъ вѣры въ Бога, значить отказаться отъ вѣры въ себя, потому что вѣрить въ себя, можно лишь вѣря въ Бога. Отказаться отъ вѣры въ Бога, значить отказаться и отъ вѣры въ человѣчество, потому что въ сущности человѣчество также безпомощно, какъ и одинъ человѣкъ. Нужно только число пушекъ потребное для уничтоженія миллионной арміи умножить на тысячу шестьсотъ, и мы получимъ количество орудій достаточное для истребленія всего человѣчества. Безъ вѣры въ Бога не можетъ быть вѣры въ счастье. Безъ вѣры въ Бога должны будутъ замирать святыя и священныя чувства въ человѣчествѣ. Они окажутся тогда не имѣющими разумнаго основанія и вредными для культурнаго преуспѣянія.

Но академія сто лѣтъ борется за вѣру въ существованіе святого и священнаго и будетъ бороться за эту вѣру до

последняго дня своего бытія. И если настанетъ день, когда послѣдній боець за эту вѣру падеть, сжимая мертвыми руками свое знамя, то этотъ день, будетъ днемъ траура для человѣчества.

Да не будетъ этого. Нашею вѣрою исключается возможность отчаянія. Безъ самонадѣяности, но и безъ страха будемъ взирать на будущее. Я сказалъ, что не имѣю претензій пророчествовать о немъ, но я считаю себя вправѣ закончить мою бесѣду съ вами приведеніемъ двухъ пророчествъ, изъ которыхъ одно исполнилось, а исполненіе или неисполненіе другого стоитъ на очереди дня.

Когда я былъ на первомъ курсѣ академіи—дѣла давно минувшихъ дней, какъ видите — умеръ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, могила котораго находится такъ близко отъ нашихъ аудиторій. Послѣдними словами его послѣдней статьи были: „а гроза блізится!“ Онъ разумѣлъ, что намъ угрожаетъ Германія. Съ тѣхъ поръ раскаты грома не рѣдко раздавались къ западу отъ Александрова и Вержболова, но грозы все не было. Она пришла теперь. Пророчество исполнилось.

Когда я былъ на второмъ курсѣ, проф. В. О. Ключевскій, читая о томъ, что входило въ составъ Руси и выходило изъ этого состава, указалъ на Галицію нѣкогда бывшую русскою, но ставшую австрійскою. Области, которыя изначала принадлежали Руси, если временно выходили изъ ея состава, то потомъ обыкновенно опять приобщались къ ней. Исключеніе представляетъ Галиція. „Но это, закончилъ лекцію профессоръ, только вопросъ времени“. Исполненіе этого пророчества, ожидается теперь. Будемъ ждать.

Но разумѣется, мы будемъ ждать, не сложивши руки, а занимаясь работою. Я думаю, что міровыя событія научатъ васъ въ этомъ году гораздо большому, чѣмъ наши лекціи. Но прошу васъ: слѣдя за страшною дѣйствительностью, не забывайте, что размышленіе и изученіе могутъ сдѣлать дѣйствительность лучшею. Слѣдя за жизнію, будемъ изученіемъ подготавливать лучшую жизнь.

Наша школа сто лѣтъ стояла за лучшія надежды человѣчества. Пусть съ этими надеждами она начнетъ второе столѣтіе своего существованія!

С. Глаголевъ.